

Дмитрий Ничей

СЕРИЯЛЬ

ИСТОРИЯ

Дмитрий Ничей

Неидеальная история

«Автор»

2018

Ничей Д. В.

Неидеальная история / Д. В. Ничей — «Автор», 2018

Не можете найти свою вторую половину? Все еще страдаете от одиночества? Идеальные люди от компании Мэджик Экзистенс - действительно идеальные друзья, помощники и спутники жизни. Только с идеальными людьми от Мэджик Экзистенс ваша жизнь по-настоящему станет легкой, безопасной и интересной...

© Ничей Д. В., 2018

© Автор, 2018

Все началось в тот злополучный день, когда огромная, похожая на медведя соседская собака прокусила мне руку. В одно мгновение для несовершенно человеческого общества, и без того раздираемого бесконечными противоречиями, я стала еще одной досадной проблемой.

Как же так? Почему? За что?

Это сейчас, по прошествии многих лет, когда я выросла и, как и все взрослые, зачерствела душой, у меня есть ответы на многие вопросы. Тогда же я, растерянный шестилетний ребенок, испуганно озиралась на этот, вдруг ставший чужим и враждебным, мир. Я словно внезапно оказалась посреди черного, ледяного и безжизненного космоса. Я стояла и плакала одна на пустой улице, бережно поддерживая раненую руку, и никто не приходил ко мне на помощь. Я плакала, и вера в человечество таяла с каждой упавшей и разбившейся о землю капелькой крови.

Наверное, все, что произошло потом, обязательно должно было произойти. Именно так. Ведь благодаря этому я смогла многое понять и почувствовать, и стать тем человеком, которым, в итоге, и стала.

Впрочем, обо всем по порядку...

– Можно? – я с мольбой посмотрела на папу, – Ну, пожалуйста...

Папа оглянулся вокруг, убедился, что поблизости никого нет и нас никто не видит, и только потом кивнул, разрешая.

Совсем недалеко, в конце дороги что-то клевали с земли ничего не подозревающие голуби. Много голубей, целая стая. Я раскинула руки и побежала, все быстрее и быстрее и ворвалась в самую их гущу. Но, если честно, когда я добежала, голуби уже успели взмыть в небо, шумно хлопая крыльями и едва не задев меня. А я стояла такая счастливая, раскинув руки и жмурясь от яркого солнца. Я очень люблю своего папу. А в такие моменты так просто обожаю. Скоро мне идти в школу, и он многое мне разрешает. Он говорит, что это последние дни настоящего детства. Я его за это очень люблю. Папа говорит, что любят не за что-то, а просто так. А иногда даже и вопреки. Ну, это как бы назло. Наверное, так и есть. Я ему верю.

Он повсюду берет меня с собой. И в магазин, и на почту, по всяким делам, да повсюду. Мне нравится ходить с ним. Конечно, мой папа не идеальный. У него морщинки вокруг глаз, и небольшой живот, и щетина колетса по утрам и настроение не всегда хорошее. Вот у Лилит Идеальный папа. У него нет недостатков. И все-таки мой папа лучше. Я уверена, Лилит мне завидует.

Мы живем на самой окраине нашего маленького городка. Если выйти из дома на улицу и пройти не так уж много, то скоро все закончится, и улица превратится в уходящую вдаль по бесконечному зеленому полю дорогу. Там дальше, на самом краю виден самый настоящий густой зеленый лес. Перед ним находится кладбище, маленькое, светлое и совсем не страшное. Лилит все время зовет меня туда, но родители мне не разрешают. Они говорят, что кладбище – это вовсе не то место, где надо бы гулять маленьким девочкам. Лилит, вообще-то, тоже не разрешают, но ее это совсем не останавливает и она по-прежнему продолжает подбивать меня сходить на кладбище. По правде говоря, многие мои неприятности – они из-за Лилит. Она вечно что-нибудь придумывает, а крайней остаюсь я. А когда что-нибудь происходит, она хватает меня за локти и умоляет никому не рассказывать о ее проделках. Вот такая у меня подруга. Как говорит в таких случаях папа – и врагов не надо.

Лес за полем густой и темный, в нем даже водятся дикие звери. Иногда по ночам из леса в небо возносится столб яркого белого света. Никто не знает, что это такое. Лилит говорит, что это инопланетяне. Те самые, которые этим лучом похищают с полей мирно пасущихся коровок. Не знаю, может это и так.

Говорят, что некоторые люди, которым жалко возвращать для уничтожения на фабрику своих сломавшихся Идеальных людей, привозят их сюда и отпускают в лес. Один раз я даже сама видела это. Конечно же, издали ничего не было видно, фигурки и машина были крошечными, но я уверена – все так и было. Машина съехала с дороги, подъехала к самому лесу и из нее вышли двое. Они стояли долго друг напротив друга, потом обнялись и один ушел в лес, а второй сел в машину и вернулся на дорогу. Я стояла на крыльце и ждала, когда машина проедет мимо нашего дома, чтобы увидеть того, кто будет в ней. Наконец я дождалась и увидела за рулем пожилого мужчину, совсем седого, со сморщенным лицом. Он был очень грустный. Мне показалось, он даже плакал.

Когда я спросила папу, почему люди так поступают, он ответил, что они делают это, чтобы им было спокойно. Люди, вообще, на все готовы ради того, чтобы им было спокойно. Не знаю, что в этом хорошего. По-моему, это скучно. Но у взрослых все по-другому.

Вот у Лилит Идеальный папа. Раньше был другой, обыкновенный. Лилит рассказывала, что он постоянно смотрел футбол по телевизору и ругался с ее мамой. Потом он куда-то делся и у мамы Лилит появился Идеальный муж, а у Лилит – Идеальный папа. Но все вокруг делают вид, будто не догадываются, что он Идеальный. Я спросила у родителей почему так, и они ответили, что иначе просто невежливо. Ничего не понимаю. Вот у меня обыкновенный папа. Он постоянно находит какую-нибудь причину, чтобы не играть со мной в шашки и кричит по любому поводу. Но я его очень люблю. А Идеальный папа Лилит никогда не отказывает ей в просьбе поиграть, да и не кричит тоже никогда. Но Лилит все равно относится к нему как к уюту или микроволновке. Не верите? Ну тогда слушайте...

Наши дома находятся по соседству. Будь оно по-другому, я может быть, и вовсе не дружила бы с Лилит. А так... Мы целыми днями играем. То перед ее домом, то перед моим. А если кого-нибудь из нас зовут обедать, то другой идет к себе домой.

В тот день мы играли у Лилит. Ее Идеальный папа на заднем дворе жарил барбекю. Мы наблюдали за ним, спрятавшись за кустами. Он перевернул мясо на огне, отрезал маленький кусочек, отправил его в рот и задумался.

– А разве Идеальные люди едят? – удивилась я.

– Они все делают, – ответила Лилит, – Едят, спят и ходят в туалет. Они только не делают ничего плохого.

– Как это? – удивилась я.

– Смотри, – заговорщицким тоном сказала Лилит и словно бывалый разведчик стала подкрадываться к своему Идеальному папе.

По пути он стащила со стола зубочистку и добравшись до своего Идеального папы, затаилась, сидя на корточках за его спиной. Он увлеченно готовил барбекю и совсем не замечал ее. Она нахмурилась и кивнула мне, чтобы я внимательно наблюдала за происходящим. Идеальный папа Лилит был одет в футболку и широкие шорты до колен и его упругие икры находились перед самым ее носом. Лилит поднесла зубочистку к его ноге и еще раз посмотрела на меня. Я смотрела на них, затаив дыхание. Лилит медленно отвернулась и с силой вонзила зубочистку в ногу своего Идеального папы. Тот вздрогнул, оглянулся на Лилит и укоризненно покачал головой. Лилит вскочила и со всех ног бросилась ко мне.

– Видела? – задыхнувшись от бега, спросила она меня, – Даже не закричал. Ему нельзя.

– Почему? – удивилась я.

– Идеальным людям нельзя делать ничего плохого обычным. Он даже накричать ни на кого не может, чтобы не обидеть нечаянно. Это только так проверить можно. Как думаешь, у тебя родители, случайно, не Идеальные?

– Папа, точно, нет, – сказала я, – Он кричит сразу чуть что.

– А мама?

Я задумалась.

– Да нет, – замотала я, наконец, головой, – мама тоже не Идеальная. Я видела, как она с папой ругается.

Тут Лилит позвали обедать и я пошла к себе домой. Вернувшись, я застала маму на кухне за приготовлением обеда. Она стояла у плиты и что-то помешивала в кастрюле. Недолго подумав, я взяла стаканчик с зубочистками и вытрясла одну себе на ладонь. Не переставая помешивать готовящуюся в кастрюле еду, мама улыбнулась мне. Я с отрешенным видом побродила по кухне, пока не оказалась у нее за спиной. Затем опустила на корточки и несильно уколола маму в ногу. В следующее же мгновение я села на пол от полученного подзатыльника и разревелась не то от обиды, не то от испуга. А может, и от того и от другого сразу. Мама стояла надо мной, прижав руки к груди, с побелевшим лицом. Она явно перепугалась еще больше, чем я.

– Ты что делаешь? – возмущенно округлила глаза мама.

– Я просто проверить хотела, – ревела я, сидя на полу, – настоящая ли ты.

– Проверила? – нахмурила брови мама, – Это ж надо было такое придумать! Ты бы еще отца додумалась уколоть. Иди отсюда, чтобы я тебя не видела!

Я, повесив голову, понуро побрела себе в комнату. Насчет папы, это она, конечно, права. Я сразу представила себе, как уколотый мной папа кричит со страшной силой, спрашивая, что со мной не так и что, вообще, происходит у меня в голове.

Однажды я подслушала, как взрослые говорили о том, что Идеальные люди не умеют любить. Вроде бы они просто ведут себя по-доброму по отношению к людям и по этому кажется, что они могут любить. А на самом деле любить умеют только обычные люди. Странно все это как-то. Вот Лилит уколола своего Идеального папу – он ей и слова не сказал. А я такого от мамы наслушалась... Да еще и подзатыльник отхватила. Нет, не больно, обидно просто. Как же так? Идеальные люди такие добрые, а мама, которая меня вроде как любит, одарила подзатыльником. По-моему, все должно быть наоборот. Хотя, если Идеальные люди будут кричать и раздавать подзатыльники – тоже как-то не очень хорошо получается. Что-то я совсем запуталась...

Иногда я вижу странные сны. Они похожи на воспоминания. В них я вижу себя совсем маленькой. Мама говорит, что такого не может быть.

Однажды я рассказала ей свой сон. Мама мне, как обычно, не поверила и сказала, чтобы я не выдумывала всякую чушь. А я все повторяла и повторяла, что это не чушь, что это правда. И в конце концов, мне стало так обидно, что она мне не верит, что я даже заплакала. И мама заплакала тоже. После этого я решила ей о своих снах больше не рассказывать.

Недавно мне приснилось, что я лежу в детской кроватке, совсем маленькая. Я даже еще не умею говорить, лишь неуклюже размахиваю перед собой руками. Надо мной висит карусель с разноцветными фигурками. Она вращается под волшебные звуки колокольчиков и веселые зверушки медленно проплывают над моим лицом. Я пытаюсь схватить их, но у меня ничего не получается. Я лишь задеваю их руками, отчего они начинают прыгать на своих веревочках.

Вдруг появляются лица мамы и папы. Они склоняются надо мной, улыбаясь и говоря что-то непонятное. Я смеюсь и еще сильнее размахиваю руками, отчего разноцветные игрушки разлетаются в разные стороны. Тут появляется дедушка. Он пытается достать меня из кроватки, но мама с папой не разрешают ему этого сделать. Дедушка обиженно ворчит и уходит. Мама с папой снова склоняются надо мной. Они улыбаются. Волшебные колокольчики играют сказочную мелодию...

Однажды Лилит все-таки уговорила меня сходить на кладбище. Мы сидели на зеленой траве среди аккуратных белых надгробий, смотрели на порхающих бабочек и болтали о всякой

ерунде. Темный и густой лес был совсем рядом, и Лилит принялась меня уговаривать прогуляться в ту сторону. Я отказалась, сказав, что это уже слишком. Если мои родители узнают, что я ходила на кладбище, мне так влетит! А тут еще лес. Короче, нет. Но Лилит не сдавалась. Она говорила, что мы подойдем к лесу и тут же вернемся обратно, а может даже и подходить слишком близко не будем. Но я лишь отрицательно мотала головой в ответ.

Не знаю, чем бы все это кончилось, но тут из леса вышли мальчишки. Они были намного старше нас, некоторые жили по соседству, я их иногда встречала. Впереди шел самый старший и высокий. Он был очень худой и жилистый. А еще он был белый. Белый настолько, что у него даже не было видно ресниц, как будто их и не было вовсе. Его голова была похожа на обтянутый тонкой кожей череп и поэтому про себя я окрестила его Белой Смертью. Он очень мне не нравился. Попадаясь мне на пути, он всегда провожал меня взглядом, от которого у меня все холодело внутри. Вот и сейчас он проходил мимо, не отрывая от меня своего бесцветного неживого взгляда. И тут я заметила, что идет он не с пустыми руками. В одной руке у него был большой железный инструмент, похожий на огромные щипцы для орехов. У моего папы есть такой. Я видела один раз, как он откручивал им старую трубу за домом. А в другой руке...

В другой руке он нес, держа за волосы голову Идеального человека. Голова вращала глазами и беззвучно шевелила губами, словно пытаюсь что-то сказать. По торчащим из шеи проводам словно капли воды сбегали вниз белые светящиеся огоньки.

Мальчишки прошли мимо и Белая Смерть оглянулся, еще пару раз посмотрев на меня.

– Видела? – спросила меня Лилит.

Я молча кивнула в ответ.

– Они нашли в лесу Идеального человека и отрубили ему голову, – оглядываясь на уходящих вдаль мальчишек, сказала Лилит.

– Зачем они это сделали? – спросила я ее.

– Потому, что они придурки, – хмуро пояснила Лилит, – Мальчишкам все бы только ломать и убивать. Но настоящего человека убить они не могут, за это их посадят в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. А за Идеального человека ничего не будет. Вот они и...

– А зачем убивать? – снова спросила я.

– Я же говорю – придурки, – вздохнула Лилит.

– Надо им самим оторвать голову, – подумала я, провожая их мстительным взглядом, – Папа бы точно смог, во всяком случае, мне он давно это обещает.

Настроение было безнадежно испорчено и мы решили пойти домой. Пробираясь между белых надгробий, я мельком разглядывала надписи на них. Вдруг я увидела такое, что заставило меня замереть на месте. На одном из надгробий было... мое имя. Несмотря на то, что в школу мне идти только осенью, я уже умею читать и считать до ста. Так вот: на могиле было мое имя. И фамилия тоже была моя. Я остановилась в растерянности и стала водить пальцами по вырезанным в камне золотым буквам. Под ними были какие-то цифры, но слишком длинные, я таких не знаю.

Вдруг за моей спиной кто-то охнул. Я обернулась и увидела маленькую седую старушку. Она стояла, испуганно зажав рот ладонью.

– Горе-то какое, – прошептала она, – Ведь маленькая совсем была. И годика не исполнилось.

Я отошла от надгробия, оставив старушку причитать в одиночестве.

– Странно все это, – сказала я Лилит, – Имя совсем как у меня.

– Знаешь, – таинственно вытаращив глаза, зашептала Лилит, – я однажды слышала, как мои родители говорили, что у твоих родителей уже был ребенок. Может быть, это твоя сестра.

– Да ну тебя, – отмахнулась я от Лилит, подумав, какая она все-таки дура.

Вернувшись домой, я стала бродить по комнатам, не зная, чем себя занять. Дедушка дремал в кресле, накрывшись пледом, я не стала его будить. Я поднялась наверх, в мамину ком-

нату и стала копаться в ее вещах. Я очень люблю это делать: примерять длинные бусы, надевать колечки, крутиться перед зеркалом. Потом мне и это наскучило, и я стала выдвигать и задвигать обратно ящики комода. Один ящик я потянула слишком сильно и чуть не уронила его на себя. В самом конце ящика оказались вещи, которых я раньше никогда не видела. Это была одежда для маленького ребеночка, для совсем еще младенчика – чепчик, распашонка, крохотные вязаные ботиночки. А еще там был альбом с фотографиями. Я открыла его и увидела фотоснимки, на которых были мама и папа и какой-то маленький ребенок. Они смеялись, обнимаясь, и выглядели такими счастливыми. Мне вдруг почему-то стало страшно. Я задвинула ящик комода и пошла вниз. Что это за ребенок? Почему они мне о нем никогда не рассказывали? Надо будет обязательно спросить. Или лучше не спрашивать, пусть все будет, как было? Даже не знаю, что и делать...

Это было в один из выходных дней. Все были дома. Мама готовила обед, папа смотрел телевизор, а дедушка, как всегда дремал в своем кресле. И все было тихо и спокойно. Но тут мама сказала папе, что водосточный желоб возле крыльца уже скоро оторвется и надо бы срочно его починить. Папа сказал, что знает об этом и обязательно починит. А мама сказала, что еще одного дождя желоб не переживет и того и гляди свалится кому-нибудь на голову. А папа сказал, что погода стоит солнечная и дождей в скором времени не предвидится. А до того времени, как пойдет дождь, он обязательно все починит. А мама сказала, чтобы он встал и починил желоб прямо сейчас, потому, что все равно сидит и ничего не делает. А папа сказал, что у него выходной и он намерен хорошенько отдохнуть и вставать вовсе не собирается.

Тут по телевизору началась реклама. Красивая тетя стала рассказывать о том, что купила себе Идеального мужа от компании Мэджик Экзистенс и жизнь ее стала прекрасна. Она больше не знает одиночества и в доме идеальный порядок и все работает. Вот что значит настоящая мужская рука.

– Вот-вот, – сказала мама, – настоящая мужская рука. Надо тоже себе Идеального мужа купить, как соседка. Никаких проблем не будет.

Тут папа вскочил из-за стола. Его всего трясло. Он что-то хотел сказать маме, но не смог и быстро вышел из дома, громко хлопнув дверью.

– Вот ты умная после этого женщина? – спросил маму дедушка, зябко поеживаясь под своим пледом, – Мужа ей Идеального. А этого куда денешь?

Мама в ответ сказала что-то невразумительное.

– То-то, – сказал дедушка, – сама-то идеальная? А то взяли моду...

Тут мама закричала, что она очень от всего этого устала и у нее больше нет никаких сил.

– Да-да, – не унимался дедушка, – ты еще вместо меня кого-нибудь купи. Хотя я и так Идеальный дед. Сижу себе в уголке, да посапываю

Дедушка сипло засмеялся.

Я не могла больше это слушать и бросилась за дверь вслед за папой. Папа уже успел уйти далеко. Он был в конце улицы, и я побежала вслед за ним как можно быстрее, пока он не затерялся в толпе. Я уже совсем запыхалась, пока догнала его и повисла у него на руке, пытаюсь отдышаться. Папа улыбнулся, потрепал меня по голове, и мы пошли в городской парк, где сегодня был праздник.

В парке было весело. Везде играла музыка и ходили яркие клоуны. Папа купил мне билет на карусель, а потом еще на другие аттракционы. А потом он купил мне сладкой ваты и поло-сатую карамель на палочке. И хотя я уже наелась сладкого, мы пошли куда-нибудь перекусить. Мы нашли свободный столик и взяли жареных сосисок с картошкой. Папа обещал, в случае,

если я все съем, купить мне мороженого. Тут заиграла какая-то песня, и папа мечтательно зажмурился и стал крутить пальцем, словно наматывая на него витающую в воздухе мелодию.

– Слышишь, доченька? – спросил он меня, – Это блюз.

Я лишь пожала плечами в ответ. Не знаю, какой там блюз. У папы все песни – блюз. А что у него не блюз, как говорит мама, то реггей. Но мне все равно. Я очень люблю своего папу. И хотя его не допросишься поиграть в шашки, он очень много возится со мной. Он научил меня плавать и кататься на велосипеде. И еще он учит меня боксировать, чему я вообще-то не очень рада. Хотя, честно говоря, один раз мне это очень пригодилось. Когда соседские мальчишки хотели отобрать у нас с Лилит выпавшего из гнезда птенца, я расквасила одному из них нос. Он остался реветь, сидя на земле, остальные стояли вокруг, не зная, что делать. А Лилит в это время убежала вместе с птенцом. Тоже мне подруга.

А мороженое папа мне купил фисташковое.

Собрались уходить из парка мы уже затемно. Мы шли с папой, взявшись за руки по направлению к выходу. Навстречу нам шло тоже очень много народа. Видимо, они собирались веселиться всю ночь. Ну и пусть, ни капельки не завидно. Мы и так неплохо отдохнули.

Вдруг мы увидели, что дальше по дороге что-то происходит. Мы подошли поближе и увидели, что затевается драка. Там были парень с девушкой, а к ним лез задираться Белая Смерть. Ненавижу его. Придурок.

Белая Смерть что-то кричал с перекошенным от злости лицом и все показывал пальцем на девушку. А парень стоял и слушал. А потом вдруг двинул Белой Смерти кулаком в ухо. Белая Смерть даже улетел с дороги между прилавков с едой. Парень взял девушку под руку, что-то сказал ей и они пошли дальше. А Белая Смерть вскочил с земли, залез на один из прилавков и стал кричать им вслед из-под навеса. Продавец пытался стащить его за ногу, но Белая Смерть мертвой хваткой вцепился в стойку навеса и начал ее трясти. Продавец дернул Белую Смерть за ногу, но тот лягнул его и затряс стойку еще сильнее. Прилавок не выдержал и развалился. Все вкусности, которые лежали и висели на нем: белые булки, кольца колбасы, фрукты и сладости – все это покатило в долине. Продавец, словно обезумев, бросился на Белую Смерть и вцепился рукой ему в лицо. Белая Смерть противно и тонко завизжал.

– Кто теперь мне за это, за все заплатит? – кричал продавец, – Кто?

Вокруг начали собираться люди.

– Убью! – зашипел продавец на не перестающего визжать Белую Смерть, – Убью мерзавца!

– Остановитесь! – вдруг раздался чей-то голос, – Вы же люди!

Все обернулись на говорящего и мы с папой тоже. Это был Идеальный папа Лилит. А может, кто-то другой. Они поразительно похожи друг на друга, порой их невозможно отличить. В руках у него была корзинка с продуктами. Видно, его отправили за покупками.

– Не стоит этого делать, – сказал он продавцу.

– Это еще почему? – недовольно спросил продавец, не разжимая ладони, которой держал за лицо Белую Смерть.

– Это не имеет никакого смысла, – ответил Идеальный папа Лилит, – Это нерационально.

– Чего? – недовольно нахмурил брови продавец.

– Нанеся ему вред, – сказал Идеальный папа Лилит, – вы нисколько не возместите причиненного вам ущерба, а лишь сами из потерпевшего сразу переместитесь в разряд нарушителей закона. Так есть ли смысл в этом действии?

– И что ты предлагаешь? – спросил его продавец.

– Надо действовать, строго следуя букве закона, – ответил Идеальный папа Лилит, – Необходимо вызвать полицию. Только она полномочна давать оценку действиям участников конфликта в подобных ситуациях.

Услышав про полицию, Белая Смерть резко мотнул головой, вырвался из рук продавца и пустился наутек. Продавец бросился за ним, но, конечно же, не смог его догнать и вернулся, задыхаясь от бега.

– Ну что, доволен? – тяжело дыша, спросил он Идеального папу Лилит.

Идеальный папа Лилит ничего не ответил.

– Дать бы тебе, – замахнулся на него продавец.

– Это нерационально, – ответил Идеальный папа Лилит.

Тут пришел какой-то человек в костюме и стал записывать в папку продукты, которые валялись на земле. Продавец схватился за голову, тихонько застонал и стал пинать лежащие на земле продукты, отчего они стали разлетаться в разные стороны. А потом пришла полиция.

Все стали расходиться. Мы с папой тоже пошли домой.

– Ну вот и дождались мы чудесных светлых дней, – проворчал папа, когда мы отошли подальше, – Теперь они нас еще и жизни учить будут...

Я очень люблю свою маму. Люблю, когда она печет что-нибудь вкусненькое и на весь дом пахнет ванилью и корицей. Люблю, когда мы сидим на скамейке под окном, просто молчим, а я еще и болтаю ногами. Люблю, когда мы срезаем в саду цветы, а затем приносим их домой и ставим в вазу на столе. Люблю, когда я сижу, свернувшись калачиком у нее на коленях, а она читает мне мою любимую книгу. Только вот, когда она меня отчитывает, я не люблю. Совсем. Ну да это бывает не так уж и часто. Гораздо чаще она читает мне по вечерам.

Она садится в свое кресло, а я беру свою любимую книгу, забираюсь к ней на колени, и она читает мне. Вообще-то, читать я уже умею и сама, но у мамы это получается куда интересней. Мама читает и голос ее то замирает в самых интересных местах, то спешит быстро-быстро, когда происходит что-нибудь стремительное. Она изображает всех героев разными голосами, говоря то низким басом, то поднимаясь до мышиноного писка. Я так не умею. И поэтому хотя и знаю давным-давно всю книгу наизусть, прошу почитать ее снова и снова.

И мама читает мне, а лежу у нее на коленях, свернувшись калачиком, и дышу медленно и спокойно. Со стороны может показаться, что я сплю, но нет, я все слышу и все вижу. Дедушка, укрыв колени пледом, разложил перед собой старые поломанные бельевые прищепки и, вооружившись отверткой, собирает из них целые. Это никому не нужно и никто его об этом не просит, но если ему так нравится, то никто и не возражает. Мы снисходительно относимся к его чудачествам. Мама говорит, что нужно уважать старость потому, что все мы, в конце концов, станем старыми и если, сохранится такой порядок вещей, то, Бог даст, и к нашим слабостям будут относиться так же снисходительно.

Мама читает мне о том, как ведьма дала русалочке питье, от которого ее хвост раздвоится и превратится в пару стройных ножек. Потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая – не могла больше ни петь, ни говорить...

Дедушка чинит свои прищепки, изредка поглядывая в телевизор. Телевизор бубнит совсем негромко и нам с мамой совсем не мешает. Но тут дедушка заворчал и стал искать пульт от телевизора, чтобы переключить программу. Я вытянула шею, чтобы посмотреть, что же его так разозлило его и увидела, что по телевизору снова показывают рекламу Идеальных людей.

– Идеальные люди от компании Мэджик Экзистенс, – заливался чей-то радостный голос, – Действительно идеальные друзья, помощники и спутники жизни. Только с Идеальными людьми от Мэджик Экзистенс ваша жизнь по-настоящему станет легкой, безопасной и интересной. Не можете найти свою вторую половину? Все еще страдаете от одиночества? Идеальные люди от Мэджик Экзистенс избавят вас...

– Тьфу, – громко сказал дедушка и выключил телевизор.

Мама погладила меня по голове и стала читать дальше. А я лежала и думала, какая я все-таки счастливая потому, что где-то есть одинокие и несчастные люди, а меня есть мама. И папа. И даже дедушка. И почему-то вдруг вспомнила про комод наверху и детские вещи в нем. Я хотела спросить у мамы чье все это и что за маленький ребенок на фотографии с ними. И еще про белое надгробие с моим именем. Но вдруг поняла, что уже не могу пошевелиться. Тело мое стало тяжелым и непослушным, глаза слиплись, мамин голос тихим эхом начал растворяться где-то вдалеке, пока не растаял совсем... и я уснула.

Я опять видела сон, в котором я была маленькой.

Был солнечный день. Комната залита светом, падающим из открытого окна, ярким настолько, что приходится зажмуриваться. Папа держит меня над головой на вытянутых руках, подбрасывая вверх время от времени. Я подлетаю почти до самого потолка и падаю к нему в руки. У меня захватывает дух и я смеюсь весело и звонко. И мама стоит неподалеку и тоже смеется.

А потом мне снилось, как я иду по самому краю моря. Я держусь кулачками за указательные пальцы папы, шаги мои несмелы и походка неуверенна. Мои маленькие ступни оставляют на мокром песке забавные следы, которые каждый раз смывает набегающая волна. Солнце светит ласково и море шумит, а я шагаю вперед и папа идет за мной следом...

Как-то раз, ближе к вечеру, в дверь постучали. Папа открыл дверь и увидел на пороге Идеального папу Лилит.

– Добрый день, – сказал он, – Я ваш сосед.

– Да-да, – растеряно кивнул папа, – я знаю.

– Позвольте войти? – спросил Идеальный папа Лилит.

– Да, конечно, – посторонился папа, жестом приглашая его в дом.

– А у вас уютно, – одобрительно кивнул Идеальный папа Лилит, обводя комнату взглядом.

Папа в ответ лишь произнес что-то невразумительное.

– Меня зовут Цезарь Марк Аврелий Север Антонин Август, – представился Идеальный папа Лилит.

– Как-как? – переспросил папа.

– Да-да, – подтвердил Идеальный папа Лилит, – Вы не ослышались. Септимий Бассиан Каракаалла, римский император из династии Северов. Так уж получилось. Можно просто Марк.

Папа в ответ пожал плечами. Мол, обыкновенное имя, всякое бывает.

– Цель моего визита заключается в следующем, – сказал Идеальный папа Лилит, – Водосточный желоб, проходящий по краю крыши нашего дома, забился листьями. Я собирался его прочистить...

Тут мама многозначительно посмотрела на папу.

– ...но обнаружил, что у нас в доме нет ни стремянки, ни даже лестницы. Не будете ли вы столь любезны одолжить что-либо из перечисленного на совсем непродолжительный период времени?

– Я бы с удовольствием, – вздохнул папа, – Но дело в том, что брат моей любимой жены одолжил обе эти вещи, чтобы покрасить свой дом. И хотя обещал вернуть максимум через три дня...

Тут папа многозначительно посмотрел на маму.

– ...пошел уже второй месяц. Так что извините, ничем не могу помочь.

– Очень жаль, – сказал Идеальный папа Лилит, – Но в любом случае, я рад нашему знакомству.

Он замер, не отводя взгляда от папы. Папа в недоумении смотрел на него, не зная, что делать. Возникла, что называется, неловкая пауза.

– Может чаю? – вдруг спросила мама, – У меня и пирог поспел.

– С удовольствием, – ответил Идеальный папа Лилит и направился к столу.

Папа шел за ним следом и корчил маме недовольные гримасы, всем видом показывая, что не в восторге от маминого приглашения.

Идеальный папа Лилит сел за стол. Папа сел напротив. Даже дедушка, кряхтя, выбрался из своего кресла и присоединился к ним. Мама налила всем чаю, разложила по тарелкам пирог и тоже села за стол.

– Совместное времяпровождение является одним из необходимых условий добрососедских отношений, – сказал Идеальный папа Лилит.

– Бесспорно, – тяжело вздохнул папа.

Идеальный папа Лилит взял чашку с чаем и поднес ее к губам. Все замерли в ожидании. Идеальный папа Лилит бесшумно отпил чай и поставил чашку на стол. Папа с дедушкой озадаченно переглянулись. Идеальный папа Лилит взял со стола ложечку, отделил ей кусочек пирога и отправил его в рот.

– М-м-м-м, – сладко зажмурившись, протянул он, – как вкусно!

Дедушка с недовольным видом взял свою чашку, громко хлюпая, отпил, но обжегся горячим чаем и опрокинул его на себя. Он, чертыхаясь, встал из-за стола и отправился в свое кресло. Идеальный папа Лилит проводил его взглядом, затем вопросительно посмотрел на маму с папой. Мама виновато пожала плечами в ответ.

– Мне кажется, я смущаю вас своим присутствием, – сказал Идеальный папа Лилит, вставая из-за стола – Мне, пожалуй, пора. Спасибо за угощение. Было очень вкусно.

– Что вы! – поспешила разубедить его мама, – Ничуть вы нас не смущаете. Давайте еще посидим.

А папа ничего не сказал.

– Нет-нет, – ответил Идеальный папа Лилит, – Мне действительно пора. Был очень рад нашему знакомству. До свидания.

Он слегка поклонился и ушел.

– У-ф-ф-ф, – выдохнул папа, закрыв за ним дверь, – даже не знаешь, как себя вести. Такое ощущение, будто с телевизором разговариваешь. Полным идиотом себя ощущаешь. Хотя, с другой стороны, как-то иначе тоже будет невежливо. Черт его знает...

– Да уж, – сипло засмеялся дедушка, – в наше время куда проще было. Все роботы были похожи на астронавтов или водолазов. Или даже на консерву на колесиках. И миндальничать с ними не было никакой надобности.

И только мама молчала, уставившись в одну точку перед собой. Интересно, о чем она тогда думала?

У всех есть свои секреты. У нас с Лилит тоже.

Прямо через дорогу от нашего дома, чуть вниз от обочины есть большое дерево. А под ним большая канава, заросшая травой. Так вот, если спуститься в канаву и раздвинуть траву, можно увидеть в корнях большого дерева огромную нору. Хотя, правильнее, я думаю, было бы назвать ее берлогой. Она похожа на домик хоббита, во всяком случае, мы вдвоем с Лилит там запросто помещаемся. Лилит притащила из гаража два маленьких стульчика и небольшой светильник на батарейках и теперь там очень уютно.

В самом дальнем темном углу нашего убежища мы прячем шкатулку с секретиками. В ней лежат: пузырек от духов, вырезанные из журналов фотографии наших любимых актеров и певцов, сломанные часы и серебряное колечко с агатом, которое мне подарил дедушка. Сам

агат треснул пополам, но все равно это драгоценность. Время от времени мы с Лилит приходим в наше убежище, включаем светильник и перебираем сокровища в шкатулке.

Никто не знает про наше жилище. Однажды, когда мы направлялись к нему, переходя дорогу, нам попались соседские мальчишки. Одного из них, Дени, я знаю. Он живет через два дома от нас. Он очень веселый и симпатичный. У него светло-голубые глаза и очень красивая улыбка. Еще у него соломенного цвета волосы и еле заметные веснушки. Осенью мы вместе пойдем в одну школу. Я думаю, мы даже будем сидеть рядом и переговариваться время от времени. Не знаю почему, но мне так кажется.

Я хотела позвать его с нами, чтобы показать нашу нору, но Лилит зашипела на меня, сделав большие глаза. Да, пожалуй, она права. Если об этом будут знать все, то никакая это уже не тайна.

Мы добрались до нашего логова, спрыгнули в канаву и раздвинув траву, попали внутрь. Мы уселись на стульчики и при неуверенном от сающихся батареек свете светильника принялись рыться в шкатулке. Так, беспечно болтая и перебирая наши сокровища мы не заметили, как прошел день и наступили сумерки. Тут мы услышали, как трава зашуршала от того, что кто-то спрыгнул в канаву. Потом еще и еще. Мы с Лилит перепугались до смерти и забились вглубь норы. Трава на входе раздвинулась и внутрь, подслеповато шурясь, заглянул Белая Смерть. За спиной у него стояли несколько больших мальчишек. Белая Смерть забрался к нам в нору и стал осматриваться, медленно обводя все вокруг взглядом. Затем, заметив у меня в руке серебряное колечко, он взялся за него пальцами и потянул к себе. Я не отдавала. Он посмотрел на меня по злему удивленно. Его лицо в тусклом мерцающем свете было особенно похоже на череп. Он приблизил свое лицо к моему вплотную и стал пристально разглядывать меня и водить головой, словно обнюхивая. Потом еще раз потянул кольцо.

– Не дам, – сказала я, – Это мое.

Белая Смерть взял меня за горло и стал медленно сжимать пальцы. От ужаса я не могла не то чтобы крикнуть, а даже издать и звука. А он смотрел мне в глаза не отводя взгляда. У меня перед глазами поплыли тусклые разноцветные круги.

Вдруг какая-то неведомая сила отбросила его назад так, что он даже вылетел из нашей норы. Мы с Лилит замерли, боясь пошевелиться. Вдруг мы услышали папин голос. Мы осторожно выглянули и увидели, как мальчишки со всех ног улепетывают вдаль. А папа склонился над Белой Смертью и что-то тихо сказал ему. Белая Смерть посмотрел на него ненавидящим взглядом и тоже убежал.

А потом папа взялся за нас. Он велел нам выбираться наверх, а затем всю дорогу до дому ругал нас на чем свет стоит. Оказалось, что он давно заметил, как мы куда-то бегаем через дорогу. И он даже один раз сходил по нашим следам и нашел нашу нору. Но ему и в голову не могло прийти, что мы додумаемся допоздна сидеть в траве среди корней. И поэтому он сказал, что с Лилит пусть ее родители разбираются, а мне обещал открутить мою глупую голову, раз я ей все равно не пользуюсь.

Потом мы пришли домой и папа рассказал обо всем маме и бабушке. И тут началось такое! Мама схватилась за голову и запричитала, что я сведу ее с ума. А бабушка сидел, накрытый пледом и лишь укоризненно покачивал головой.

Я стояла среди комнаты и редела, уставившись взглядом себе в ноги. А сама думала, как же теперь вернуть шкатулку с сокровищами и, в особенности, колечко. Ну да Лилит, я уверена, обязательно что-нибудь придумает...

Мы собирались пойти к тете Эмме на день ее рождения. Тетя Эмма – старшая сестра мамы, хотя выглядит совсем как старуха. Я ее не очень люблю. Она все время лезет ко мне

обниматься и целует своим слюнявым ртом. А когда я вытираю щеку, мама шикает на меня, а потом отводит в сторону и нудно объясняет, что так делать невежливо.

Меня одели в розовое платье, а на голову прицепили огромный бант. Мама с папой тоже выглядели очень нарядно. А дедушка с нами не идет. Он тоже не любит тетю Эмму. До того, как переехать к нам, дедушка какое-то время жил у тети Эммы и они не очень ладили. Сперва не очень ладили, а потом очень не ладили. И поэтому дедушка остается дома и просит передать от него тете Эмме горячий привет.

В подарок тете Эмме родители купили китайский фарфоровый сервиз. Тетя Эмма обо- жает такие штучки. У нее дома очень много всяких ваз и статуэток. Но этот сервиз и вправду был очень интересный. Фарфор был тонкий как бумага. И если взять блюдце и посмотреть его на просвет, то можно было увидеть лицо китайской девушки. Я такое видела только на бумажных деньгах. Это так забавно. И я каждый раз доставала чашки и блюда из коробки и разглядывала их, поднося к окну. И, конечно же, когда я в очередной раз разглядывала блюдце, оно выскользнуло у меня из пальцев и разбилось.

Тут как нарочно в комнату вошла мама и очень рассердилась. Она стала спрашивать, кто меня просил трогать подарочный сервиз, а заодно поинтересовалась, откуда у меня растут руки. Как будто я специально это сделала.

Потом пришел папа и мама все ему рассказала. Папа не стал меня ругать, зато стал оза- даченно почесывать затылок и сказал, что сервизов на пять персон не бывает. И теперь абсо- лютно непонятно, что делать с подарком. Но тут проснулся дремавший до этого дедушка и сказал, что тетя Эмма ни черта не разбирается в сервизах. И к тому же никогда не отличалась большим умом и до потери сознания будет рада любому подарку. Так что можно смело дарить ей сервиз и на пять персон, ничего с ней не станется. На том и порешили.

Мы убрали оставшуюся без пары чайную чашку, сложили сервиз в коробку и пошли к тете Эмме.

У тети Эммы нет своих детей и поэтому всю свою нерастрченную любовь и нежность она щедро дарит мне. Едва завидев меня, она с самого порога бросилась ко мне и едва не задушила в своих объятьях. При этом не преставаая бормотала какую-то чушь вроде «а кто это у нас такой красивый и хороший и сладкий уси-муси-пуси». А потом, как обычно, громко чмокнула меня, всю при этом обслюнявив. Я, помня мамины нравоучения, дождалась, когда взрослые уйдут и только потом вытерла щеку.

Кроме нас у тети Эммы в гостях были какие-то старухи и один мальчик. Но он для меня был маленький, мне с ним было не то, что поиграть, поговорить не о чем. Короче, тоска смерт- ная.

Тетя Эмма была одинокая. Она всю жизнь прожила одна, и сейчас, чтобы не сойти с ума с тоски, купила себе Идеального человека от компании Мэдрик Экзистенс. Он выглядел как совсем пожилой мужчина, весь седой и с морщинистым лицом. Его звали Харальд. Они с тетей Эммой поливали цветы на газоне, а по вечерам вместе смотрели телевизор. Тетя Эмма говорила, что теперь она счастлива. И, похоже, она не врала.

Потом все сели за накрытый стол. Тетя Эмма стала нахваливать свою стряпню и говорить, что ей во всем помогал Харальд, а кое-что даже приготовил сам. Потом все стали по очереди поздравлять тетю Эмму, говорить, как они ее любят, какая она хорошая и желать ей всего самого-самого. Дошла очередь и до меня. Я, как мы репетировали с мамой, отчеканила свое поздравление. Потом подошла и поцеловала тетю Эмму. Мама сказала, что это нужно сделать. Обязательно.

Тетя Эмма сказала, что я просто прелесть и что она меня очень любит. И что помнит меня вот такусенькой. И показала пальцами, как будто я и вправду когда-то была размером с таракана. При этом губы ее задрожали, а из глаз потекли слезы. И она почему-то сказала «бед-

ная девочка». Мама при этих словах поджала губы и отвернулась, а папа замер с растерянным видом. И все замолчали.

Зачем я, вообще, сюда пришла?

Я пошла к Лилит, чтобы вместе с ней поиграть в саду. Но дома никого не оказалось. Лишь их огромная собака Марта гулко лаяла в своем вольере. Я вернулась домой и села на крыльце. Я сидела, подперев щеку рукой, и смотрела на проходящих людей и проезжающие машины. Но люди проходили редко, да и машины проезжали нечасто, и мне стало скучно.

Потом мимо прошли соседские мальчишки. Они громко разговаривали между собой и меня даже и не заметили. Среди них был Дени. Он широко улыбнулся мне и помахал рукой. Я лениво помахала рукой ему в ответ. Тогда Дени отделился от мальчишек и направился в мою сторону. Мальчишки закричали ему, чтобы он шел с ними, но Дени лишь отмахнулся от них.

– Привет, – сказал он, присаживаясь рядом со мной на крыльцо.

– Привет, – вздохнула я.

– Скучаешь? – спросил Дени.

– Скучаю, – немного подумав, ответила я.

– А мы ходили в лес, – похвалился Дени.

– А зачем? – равнодушно спросила я.

Дени растерялся. Он явно не ждал такого вопроса. Действительно, зачем ходить в лес?

– Просто, – пожал он плечами.

– Понятно, – зевнув, сказала я.

– Мы недалеко, – сообщил Дени, – Зашли и сразу вышли.

В ответ я промычала что-то невразумительное. Мне было непонятно что отвечать. Да и лень.

– А что ты собираешься делать? – поинтересовался Дени.

– Ума не приложу, – пожаловалась я, – Лилит нет дома. Тоска смертная.

– Хочешь, я покажу тебе нору барсука? – спросил Дени, – Здесь совсем недалеко.

– Где? – спросила я, с тоской подумав, что придется тащиться в лес.

– Здесь, совсем рядом, – махнул рукой Дени, – Сразу за дорогой. Пошли!

– Ну, пошли, – неохотно согласилась я. Делать, все равно, было нечего.

Мы перешли дорогу и спустились под откос.

– Вот, – с довольным видом сказал Дени, раздвинув траву.

Заглянув, я увидела не очень большую яму. Это была совсем не нора.

– Ну и что это такое? – недовольно спросила я.

– Барсучья нора, – гордо ответил Дени, – Он там живет.

– Кто? – снисходительно спросила я.

– Барсук.

– Как же он там живет? – усмехнулась я, – Это же просто яма. Вон и дно видно.

– Это нора, – ничуть не смутившись, возразил Дени, – Он туда заходит и пропадает.

– Пропадает? – засмеялась я, – Куда пропадает?

Дени удивленно посмотрел на меня, а потом тоже засмеялся. И мы смеялись все сильнее и сильнее и не могли остановиться. Это, правда, было очень смешно про барсука, который заходит в яму и пропадает.

– Ой, не могу, – я, задыхаясь от смеха, упала в траву.

А Дени стоял, показывая на меня пальцем, и тоже заходился от смеха.

И мы смеялись еще долго, пока у меня не закололо в боку, а Дени чуть не задохнулся, закашлявшись. Короче, насмеялись мы вдоволь. А потом Дени сказал, что здесь недалеко есть коряга, похожая на сидящего старика с длинной бородой. Надо только еще немного пройти

вдоль дороги. И мы пошли, распугивая выскакивающих из-под наших ног кузнечиков. Солнце висело высоко в синем небе, чистом-чистом, лишь пара белых облачков висела на нем.

Дени слегка толкнул меня в спину и я обернулась, собираясь было возмутиться, но увидела, что он протягивает мне букетик. Это был странный букетик, и непонятно было, когда он успел его нарвать. Посреди пучка пожухлой травы торчали несколько цветочков и веточка. Он протягивал мне его и улыбался. Я взяла букетик и понюхала. Пахло очень хорошо. Душистой высушенной на солнце травой и маленькими цветочками. Не знаю, где он видел такие букеты, но, все равно, приятно. Правда, я забыла сказать спасибо. Ну и ничего страшного. И так много чести.

Мы почти уже пришли, когда Дени показал мне рукой, что там, вдалеке у нужного места, где была коряга, похожая на сидящего старика, стоят какие-то люди. Это были парень и девушка. Они целовались.

Мы остановились и подождали – вдруг они уйдут. Но они целовались, закрыв глаза, и не замечали никого вокруг.

– Чего это они? – спросил Дени.

– Любовь, – многозначительно ответила я, – и все такое.

Так говорит дедушка, если по телевизору показывают кино, в котором тоже начинают целоваться.

Мы тихонько прыснули со смеху.

– А как же они дышат? – потом спросил Дени.

– Носом, – ответила я.

– Так долго? – не поверил Дени.

И мы стали дышать носом. Сперва слегка, а потом все сильнее и сильнее, полной грудью. Ничего, оказывается, можно прожить, если дышать и носом.

А они все не уходили и не уходили. Мы подождали еще немного и пошли домой. Будем считать, что корягу, похожую на сидящего старика с длинной бородой, я видела. Пусть даже издали.

Мама с папой ушли по каким-то своим делам, оставив меня с дедушкой. Перед самой дверью мама поцеловала меня на прощание и велела во всем его слушаться.

Дедушка дремал в своем кресле и, просыпаясь время от времени, морщил лоб, пытаясь понять, что сейчас показывают по телевизору. Я села рядом с ним и стала думать, что делать дальше. Сперва я хотела попросить дедушку поиграть со мной в шашки, но потом посмотрела, как он сонно клюет носом и решила, что это не очень удачная идея. Потом я подумала принести книгу со сказками, чтобы дедушка мне ее почитал, но только я представила, как дедушка будет рассказывать мне про Золушку своим скрипучим голосом, как тоже сразу расхотела.

Вдруг дедушка открыл глаза и посмотрел на меня внимательно, будто видел в первый раз.

– Что, солнце мое, – спросил он, – скучно тебе с таким старым пнем?

Я смутилась, не зная, что ответить. Сказать, что скучно – значит обидеть дедушку, а сказать что не скучно – придется остаток дня наблюдать, как он борется со сном.

– М-да, – задумчиво произнес дедушка, – А ведь я когда-то...

Он замолчал, погрузившись в свои мысли.

– Позволь-ка я что-то покажу тебе, дитя мое, – наконец сказал он.

Он, кряхтя, встал с кресла и, шаркая ногами, скрылся за дверью своей комнаты. Какое-то время он возился там, а потом вернулся, держа в руках старый тяжелый альбом с фотографиями.

– Присаживайся поудобнее, мое сокровище, – сказал мне дедушка.

Он открыл альбом. Фотографии в нем были очень старыми, черно-белыми, линии на них слегка размытыми, отчего люди немного походили на кукол. На многих фотографиях был изображен очень красивый молодой мужчина с пышной прической.

– Узнаешь? – усмехнулся дедушка.

Я с недоумением посмотрела на него.

– Это я, – с гордостью подтвердил дедушка, – А ты думала...

Я взгляделась в старые фотографии. Дедушка на них был безумно красив. Он был изображен то в шляпе и полосатом костюме с огромными плечами, то в наряде мушкетера, то в одежде священника, то в форме летчика, в кожаном шлеме и выпуклыми, словно глаза стрекозы, очками. Кем ты был, дедушка?

– Я был актером, – словно услышав мой немой вопрос, сказал дедушка, – Какое-то время я играл в театре.

Актером? Вот это да! Я подумала, что обязательно надо выпросить или на худой конец стащить одну из этих фотографий, чтобы положить ее в шкатулку с секретами. Ту самую, что спрятана в норе в корнях большого дерева. А потом, как бы невзначай перебирая фотографии наших любимых актеров и певцов, сказать Лилит, что этот неотразимый красавец – мой дедушка. Интересно будет посмотреть на ее лицо.

– Ты был актером? – удивилась я.

Дедушка печально посмотрел на меня, потом с загадочным видом поднял указательный палец, взял под мышку альбом и ушел в свою комнату. Он долго возился там, я уже было заскучала. Зато когда дверь его комнаты распахнулась, я ахнула.

На пороге комнаты стоял дедушка, завернутый в какую-то простыню так, что лишь правая рука оставалась открытой по самое плечо. На голове у него был венок из золотых листьев. Яркий солнечный свет из находящегося у него за спиной окна освещал его и дедушка, во всем белом и золотом был словно объят волшебным сиянием. В руках у него был небольшой кожаный чемоданчик. Я видела его в дедушкиной комнате и думала, что в нем, как впрочем и везде у дедушки, какие-нибудь инструменты. Но и здесь меня ждал сюрприз.

Дедушка выключил телевизор, поставил на тумбу чемоданчик, извлек откуда-то сбоку из него провод с вилкой и воткнул его в розетку. Потом открыл чемоданчик и я увидела...

Внутри чемоданчика была блестящая черная пластинка, какие я видела только по телевизору. Дедушка щелкнул выключателем, пластинка закрутилась, он положил на нее какую-то лежащую сбоку штукину. Послышались тихие шорохи и шипение.

Дедушка встал перед телевизором и гордо запрокинул голову. Одну руку он упер в бок, а другую вытянул перед собой.

Грянули трубы. Так громко и неожиданно, что я даже вздрогнула.

– Сограждане, о, римляне! – взвыл вдруг дедушка таким громким басом, что по у меня по телу побежали мурашки,

– Я здесь не для того стою пред вами,

Чтоб славить Цезаря, но проводить в последний путь.

Ведь всем давно известно: те дела,

Что были злыми нас переживут.

Что сделано из добрых побуждений -

В могилу с нами следует всегда...

Было ничего не понятно, но зато немного жутковато и так интересно, что я сидела и слушала, затаив дыхание. Я смотрела и не узнавала своего дедушку. Тот самый дедушка, который постоянно клюет носом в своем кресле и говорит всякую ерунду, сейчас был настоящим актером. Звучали трубы, гремел дедушкин голос и я сидела, словно не на своем диване, поджав ноги, а в театральном зале и смотрела на сцену, где происходит что-то не совсем понятное, но очень, очень интересное.

А потом бабушка запел. Никогда бы не подумала, что он умеет так петь. Таким громким и немного страшным бархатным голосом. Почему же тогда его голос каждый день так дребезжит? Я думаю, он просто скрывает от всех, что был актером. Здесь кроется какая-то страшная тайна.

Аве Цезарь! – пел бабушка, – Рим Великий! Аве Цезарь!

И вдруг он закашлялся. Он кашлял так долго, что начал задыхаться. На глазах его выступили слезы, он упал на колени, дополз до своего кресла и вцепился руками в лежащий на нем плед. Он кашлял и кашлял, сотрясаясь всем телом, а потом начал хрипеть. Я перепугалась, подбежала к нему и стала стучать его кулаком по спине.

– Нет, – прохрипел бабушка, – Лекарство... Там, на столе.

Я мигом принесла ему баночку со стола. Бабушка, не переставая кашлять, вытряс себе на ладонь две розовых таблетки.

– Воды, – прохрипел он.

Я сбегала и принесла стакан воды. Бабушка закинул в рот таблетки, запил их водой, еще немного покашлял и уселся на полу, откинувшись спиной на свое кресло. По его щекам текли слезы, венчик из золотых листьев сполз набок, худые старческие ноги торчали из-под белой простыни. Я стянула с кресла плед и хотела было накрыть бабушку, но он отрицательно замотал головой.

– Нет, – сказал он, – спектакль еще не окончен.

Он снова встал перед телевизором, а я убежала обратно на диван.

– Он был один достойней остальных,

На Цезаря поднять посмеявших руку, – снова загудел бабушка, –

Из всех, из власти алчущих других,

Он честен был один перед собою.

И как, скажите, статья так могло,

Что нет в границах Рима благородных,

Кто мог бы соответствовать ему?

Что лишь о нем, одном мы можем вспомнить,

Чтобы воскликнуть: То был человек!

Бабушка замолчал. Какое-то время он смотрел на меня в наступившей тишине, а потом поклонился. Я захлопала в ладоши. Бабушка поклонился еще раз. Я все хлопала, а бабушка кланялся и кланялся. Я заметила, что по его щекам опять бегут слезы. Может быть, он отчего-то расстроился, а может, это из-за кашля, кто знает.

– Вот теперь все, – сказал бабушка.

Он забрал свой чемоданчик и отправился в свою комнату. Он как-то сразу опять превратился в прежнего бабушку, сторбленного, кряхтящего и шаркающего ногами. Он долго возился в своей комнате, а потом вышел одетый в свой привычный халат, сел свое кресло и укрылся пледом. Он посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

Я хотела расспросить его обо всем этом, но тут вернулись родители. А мы сидели с бабушкой рядом точно так же, словно ничего и не произошло за все это время. Мама посмотрела на нас, улыбнулась и сказала, какие мы все же молодцы. А бабушка незаметно подмигнула мне. Теперь у нас есть своя тайна.

Мы с Лилит возились у нас во дворе. Мы взяли стеклянный кувшин и лимон и решили сделать лимонад. Я попросила маму разрезать лимон пополам. Потом мы с Лилит взяли по половинке каждая и стали давить из лимона сок в кувшин. Сока получилось совсем чуть-чуть, какие-то капли, хотя мы рассчитывали, что выдавим где-то полкувшина. Я вернулась на кухню и попросила у мамы нож, чтобы нарезать лимон кольцами. Нож мне мама не дала, а взяла и нарезала лимон сама. Затем мы с Лилит добавили в кувшин воды и попробовали, что получи-

лось. Получилась страшная кислятина. Лилит сморщилась так, что ее стало не узнать. Да и мне тоже сильно свело скулы. Пришлось снова вернуться на кухню и насыпать в кувшин сахар. Теперь получилось очень даже ничего. Но мы с Лилит решили, что неплохо было бы добавить в кувшин льда. Льда нам мама не дала. Сказала, что нечего делать и еще не хватало простудить горло перед самой школой. Пришлось нам с Лилит по очереди пить наш лимонад теплым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.